

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. К. ГАРДАНОВ

«КОРМИЛЬСТВО» В ДРЕВНЕЙ РУСИ

*(К вопросу о пережитках родового строя в феодальной Руси
IX—XIII вв.)*

Среди произведений классиков марксизма, являющихся для советских исследователей поучительным образцом применения исторического материализма к анализу социальных отношений в ранние периоды истории общества, труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», несомненно, занимает одно из главных мест. Разработанная в этом труде марксистская концепция процесса классового разложения и возникновения государства, получившая свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина, дала возможность советским историкам выяснить подлинную картину исторических условий образования древнерусского государства и навсегда покончить с антинаучной «норманской теорией», которая с середины XVIII в. довлела над русской дворянско-буржуазной историографией.

Исходя из общепризнанного в советской исторической науке взгляда на древнюю Русь как на Русь феодальную, мы вместе с тем должны помнить, что переход от родового строя и быта к феодальному совершался на Руси, как и в других странах, постепенно, через ряд промежуточных ступеней и институтов. Новые, феодальные порядки и отношения выступали при этом нередко под патриархальной оболочкой и под старыми наименованиями родового строя. С другой стороны, институты родового строя в условиях феодальной Руси трансформировались и приспособлялись господствующим классом к обслуживанию его интересов, к нуждам нового строя.

Именно такому пониманию особенностей вырастающих из недр патриархально-родового строя феодальных отношений (процесса, наблюдавшегося у многих европейских народов, миновавших в своем историческом развитии стадию рабовладельческого строя) учит нас Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в тесно примыкающих к нему по тематике других исследованиях. В этой связи полезно вспомнить приведенное Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи...» замечание Маркса о том, что свойственная человеку «врожденная казуистика» помогает в такие переходные эпохи «находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением»¹.

В числе институтов родового строя, приобретших в условиях феодальной Руси IX—XIII вв. новое социальное значение, скрывающееся,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1952, стр. 56—57.

однако, под старой патриархальной терминологией, наше внимание привлечены обычаи, для которого мы предлагаем условное наименование «кормильство». Согласно этому обычаю, дети феодалов, преимущественно, по-видимому, княжеские сыновья, передавались на воспитание специальным лицам — «кормильцам» и «дядькам». Эти лица обычно являлись вассалами отца ребенка, но в результате выполнения своих функций воспитателей они приобретали особые привилегии и становились со своей семьей как бы ближайшими кровными родственниками воспитанника, причем сам кормилец заменял, по существу, для своего воспитанника отца, а его сыновья — братьев.

О существовании в древней Руси института кормильства прежде всего говорит упоминание наших летописей о кормильцах и дядьках. Русская Правда также знает кормильцев-мужчин и кормилиц-женщин, но это, как правило, не свободные люди, а рабы и рабыни, в отличие от летописных кормильцев и дядек, которые принадлежат к феодальному классу и даже к его верхушке, к феодальной знати, как, например, княжеские кормильцы. Очень важно отметить при этом, что в то время как Русская Правда совершенно не знает летописных кормильцев и дядек, занимавших высокое положение в древнерусском обществе, летописи, как правило, ничего не говорят о кормильцах низшего ранга, охраной которых занимается Русская Правда. Нас в дальнейшем будут главным образом интересовать кормильцы и дядьки, принадлежавшие к классу феодалов.

Помимо летописей, кормильцы и дядьки высшего ранга фигурируют также и в других письменных памятниках древней Руси: в житийной литературе и различного рода грамотах. К сожалению, все эти источники говорят о кормильцах и дядьках крайне скупо, ограничиваясь в большинстве случаев лишь полутным упоминанием о лицах, являвшихся воспитателями-кормильцами княжеских сыновей. Огрывочность и скудость имеющихся в письменных памятниках древней Руси известий по интересующему нас вопросу может быть в известной мере восполнена сравнительно-историческим материалом, касающимся институтов, по своему происхождению и основным чертам аналогичных древнерусскому кормильству. В этой связи особый интерес для нас представляет кавказский этнографический материал, относящийся к так называемому аталычеству (от слова «аталык», что значит «воспитатель», «кормилец»), институту, во многом сходному с древнерусским кормильством.

На Кавказе аталычество в его, так сказать, классической форме известно нам у адыгов (черкесов) — предков нынешних адыгейцев, кабардинцев, черкесов. Вот как рисует обычай аталычества адыгский историк Ш. Б. Ногмов: «Дети князей или владельцев отдавались тотчас после рождения уорку или дворянину, который нередко еще за месяц добивался этой чести... В 16 лет воспитатель одевал молодого князя как можно лучше, снаряжал ему хорошего коня, снабжал богатейшим оружием и отвозил в отцовский дом, в который до того сын не мог ездить; при этом возвращении соблюдалось множество обрядов. Отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже холодами и потом отпускал с честью домой. Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания. Особы женского пола из княжеского рода воспитывались также в чужих домах и ездили к своим только для свидания. Калым отдавался аталыкам»². Ногмов сообщает также, что мальчики воспитывались у женщин до семи лет, после чего они поступали на руки к мужчинам. Это указывает нам, что женщины играли в аталычестве определенную роль.

² Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Тифлис, 1861, стр. 33—34. Материалы Ногмова об аталычестве относятся к концу XVIII — началу XIX в. Свой труд по истории адыгов он закончил в 1843 г.

К приведенной характеристике аталычества следует добавить, что кавказские аталыки, как и древнерусские кормильцы, с того времени, как этот институт был впервые замечен и описан у адыгов (черкесов) Интериано в конце XIV в., занимались преимущественно воспитанием детей феодалов. Таким образом, институт аталычества выступает в наших источниках в условиях феодального строя. Однако аталычество на Кавказе сохранило вплоть до XIX в. ряд таких глубоко архаических черт, которые помогают нам лучше понять происхождение и историческую сущность этого обычая, сходного с кормильством в древней Руси.

Важное значение кавказского этнографического материала для понимания древнейших этапов развития общества было специально отмечено Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Ознакомившись с изданной в 1890 г. работой М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности»³, в которой автор привлек не известный до того в западноевропейской литературе этнографический материал о кавказских горах, Энгельс в четвертом издании (1891 г.) своего труда отметил, что Ковалевский «сам мог доказать» существование на Кавказе патриархальной домашней (семейной) общины и «обнаружил и описал род» у ряда местных племен⁴. Как известно, Энгельс высоко оценил сделанное в значительной мере на кавказском этнографическом материале научное открытие М. Ковалевского в отношении исторической роли патриархальной семейной общины. «Мы обязаны Максиму Ковалевскому..., — писал Энгельс, — доказательством того, что патриархальная домашняя община (*patriarchalische Hausgenossenschaft*)..., образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к отдельной семье современного мира»⁵.

Максим Ковалевский первым из исследователей попытался раскрыть социальную сущность кавказского аталычества, его истоки. Идя по пути выяснения генезиса кавказского аталычества, он ищет то «отношение, в котором этот обычай стоит к тем отдаленным от нас порядкам, при которых родство по отцу еще не известно и установленная самой природой связь между матерью-родильницей и происшедшим от нее ребенком одна считается источником семейного единения...»⁶.

Хотя догадка М. Ковалевского о том, что корни кавказского аталычества уходят в глубь родового строя, была принципиально правильна, он не сумел установить те действительные отношения, в которых обычай аталычества находился к порядкам матриархата. Он высказал совершенно ошибочное предположение, будто дети потому поступали на воспитание к аталыку, что «принадлежность их тому или другому отцу являлась спорной».

М. Ковалевский не понял и роли феодальных отношений в оформлении кавказского аталычества, хотя имевшиеся в его руках материалы говорили об этом с достаточной отчетливостью.

Проблема аталычества долгое время после того, как ее поднял в 1890-х гг. М. Ковалевский, оставалась не решенной. В 1935 г. М. О. Косвен предложил законченную и аргументированную теорию происхождения аталычества. В этом институте он видит «весьма своеобразно и специфически превращенный, принявший пережиточные, в значительной мере

³ Опубликована впервые на французском языке в Стокгольме в 1890 г.; в переводе на русский язык издавалась трижды: СПб., 1895; СПб., 1899, и Соцэкгизом в 1930 г. (под ред. М. О. Косвена).

⁴ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 60, 135.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 16; ср. также стр. 10, где аталычество отнесено к числу тех кавказских обычаев, «происхождение которых не может быть объяснено порядками родового агнатического устройства и необходимо предполагает существование матриархата и связанных с ним учреждений».

неузнаваемые, целиком обусловленные феодальными отношениями, формы, старый порядок перехода детей в материнский род»⁷.

Вместе с тем М. О. Косвену удалось установить существование совершенно аналогичного кавказскому аталычеству порядка воспитания детей у древнего населения Англии — кельтов Ирландии и Уэльса, гойделов Шотландии, а также у ряда скандинавских народов, в частности у древнего населения Исландии⁸. Таким образом, М. О. Косвену впервые поставлен вопрос о распространении аталычества за пределами Кавказа. Указание М. О. Косвена на существование обычая аталычества у кельтов Ирландии было полностью принято Е. Кагаровым в его исследовании родовой организации древних кельтов, причем Кагаров на основании описания Цезаря отмечает наличие аналогичного обычая и у галлов⁹.

Теперь очевидно, что институт аталычества, который был впервые замечен и описан в научной литературе на основе кавказского этнографического материала, не может уже больше рассматриваться как «странный обычай», присущий только черкесам¹⁰. Ныне, в результате исследований советских этнографов, аталычество представляется нам уже не чисто кавказским явлением, а широко распространенным у древних народов Европы обычаем, играющим важную роль при переходе от родового строя к феодальному.

Рассмотрим в свете сравнительно-исторического материала имеющиеся у нас данные о кормильстве в древней Руси.

По-видимому, древнейшим обозначением воспитателя-аталыка в русских источниках был термин «кормилец». Этот термин в древнерусских письменных памятниках встречается в различном написании: «кормилецъ», «кормилиць», «кърмильць», «кърмичиць», «кормичиць» и др., которые все восходят к слову «кормить» (кърмити, крьмити, къръмити и т. д.), что значит «питать», «воспитывать»¹¹.

Что термин «кормилец» имел прочное употребление в наиболее древних памятниках русской письменности, показывает нам наличие его в таком старейшем памятнике русской литературы, как анонимное «Сказание» о Борисе и Глебе. Древнейший список «Сказания», датируемый XII в., называет воспитателя князя Ярослава I Буду кормильцем: «И бѣ у Ярослава кормилиць, воевода Буды»¹². Почти буквальное совпадение этого места «Сказания» с соответствующей формулировкой Лаврентьевской и Ипатьевской летописей наводит на мысль, что применение этими летописями термина «кормилец» отражает текст какого-то более древнего письменного памятника летописного характера, который мог послужить общим источником как для «Сказания», так и для названных двух летописей. А. А. Шахматов в свое время обратил внимание на близость текста «Сказания» и летописей, высказав предположение, что составитель «Сказания» пользовался так называемым Начальным сводом 1093—1095 гг., который вошел также в состав Повести временных лет; составление же самого «Сказания» Шахматов относил к началу XII в.¹³.

⁷ М. О. Косвен, Аталычество, «Сов. этнография», 1935, № 2, стр. 55.

⁸ Там же, стр. 49—51.

⁹ Е. Кагаров, Ф. Энгельс и вопрос о родовой организации древних кельтов, «Историк-марксист», 1940, кн. 6(82).

¹⁰ М. Ковалевский, Указ. раб., т. I, стр. 14—16.

¹¹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, СПб., 1893, стб. 1405—1406.

¹² «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба», по Успенскому сборнику, «Памятники древнерусской литературы», изд. Отделения русского языка и словесности Академии наук, вып. 2, Пг., 1916.

¹³ А. А. Шахматов, Разыскание о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 33—36, 96. С. А. Богуславский определял время написания древнейшей части «Сказания» до 1076 г. (до смерти Святослава Ярославича). См. С. А. Богуславский, К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора, «Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIX, кн. I, 1914, стр. 133 сл.

Таким образом, можно сделать заключение, что термин «кормилец» был обычным на Руси XI—XII вв. для обозначения воспитателя-аталыка. Иначе он не был бы повторен в таких четырех памятниках этого периода, как Начальный свод, «Сказание» и Повесть временных лет в двух ее основных редакциях — 1116 и 1118 гг., отраженных в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

Заслуживает особого внимания, что с термином кормилец в древней Руси соединялось два понятия — о п и т а н и и ребенка и о е г о в о с п и т а н и и. То есть, согласно смыслу термина, древнерусский кормилец когда-то в прошлом, подобно кавказскому атакыку, брал ребенка на полное свое иждивение и попечение, он должен был, по-видимому, не только воспитывать ребенка, но и содержать, кормить его. Сохранялась ли в полной мере эта обязанность кормильцев в условиях феодальной Руси IX—XIII вв., сказать трудно, так как наши источники не дают по этому поводу прямых указаний. Скорее всего, однако, что в феодальный период наиболее архаическая сторона института кормильства отступила на второй план и главной обязанностью кормильца было воспитание ребенка. Отсюда и самый термин «кормилец» расшифровывается для этого периода как «воспитатель». Но вряд ли можно сомневаться, что первоначально термин «кормилец» связывался с представлением об этом лице, как о непосредственно содержавшем и кормившем, питавшем, ребенка. Если принять во внимание, что на Кавказе атакык получал ребенка, как правило, сразу же после рождения¹⁴, т. е. в грудном возрасте (а это было безусловно пережитком древнейшего порядка), то в связи с этим обычаем речь должна идти и о женщине, вскармливавшей ребенка грудью.

Мы знаем, что в древней Руси женщины, принадлежавшие к господствующему классу, обычно не кормили своих детей грудью. Это делала за них кормилица, о которой говорит «Правда Русская» (как Краткая, так и Пространная). Обращает на себя внимание большая близость терминов «кормилец» и «кормилица», особенно в транскрипции письменных памятников древней Руси.

С термином «кормилец» и «кормилица» тесно связаны летописные «кормиличичи», т. е. сыновья кормильцев-мужчин, и «кормиличиц» Краткой Правды, в котором большинство исследователей справедливо, с нашей точки зрения, усматривает сына кормилицы-женщины. В летописном термине «кормиличич» мы видим перенесение на кормильцев-мужчин понятий, связанных с кормилицей-женщиной. Очевидно, что первоначальный смысл этого термина заключался в родстве и близости не по отцу, а по матери. Молочные братья, естественно, были близкими родственниками, пока классовый раскол общества в древней Руси не привел к тому, что сыновья кормилицы, как и сама кормилица, стали рассматриваться лишь как приближенные слуги из рабов. Это положение и отразила Русская Правда в краткой редакции, трактующая кормилицу и ее сына как холопов высшего разряда, за убийство которых уплачивается 12 гривен вместо 5 гривен, установленных за убийство простого холопа: «Аще рѣба кормилица любо кормиличицъ 12» (Академический I список).— «Аще роба кормилица или кормиличицъ, 12 гривне» (Археографический I список)¹⁵.

Параллельно с процессом превращения кормилицы и ее сына в рабов шел процесс выдвижения из числа княжих мужей кормильца, сыновья которого теперь стали рассматриваться, по существу, как братья

¹⁴ Ср. приведенное выше сообщение Ш. Б. Ногмова о том, что дети адыгских князей отдавались «тотчас после рождения». Это же подтверждают и другие источники.

¹⁵ «Правда Русская», I. Тексты. Подготовили к печати В. Н. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Р. Л. Гейрманс, Г. Е. Кочин, под ред. акад. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1940, стр. 72 и 80.

княжича, воспитывавшегося их отцом¹⁶. В результате произошли смешение разных понятий и терминологическая путаница, которая и до сих пор еще вводит в заблуждение исследователей. В этой связи следует отметить ошибочный перевод Л. К. Гетцом (L. K. Goetz) термина «кормиличиц» Краткой Правды немецким словом «Pfleger» («Wen eine leibei-gene Amme oder Pfleger ist, 12 Grivna»). Эту ошибку, на которую указал еще в своей рецензии на труд Л. К. Гетца «Das Russische Recht» А. Е. Пресняков¹⁷, делает и ряд других комментаторов, также видящих в «кормиличице» Краткой Правды не сына кормилицы, а кормильца-мужчину. Основанием для отождествления «кормиличица» Краткой Правды с кормильцем служит в известной мере упоминание кормильца в соответствующей статье Пространной Правды: «А за кормилца 12, также: и за корми(ли)цю, хотя си буди холод, хотя си роба» (Троицкий список)¹⁸. Оставляя сейчас в стороне рассмотрение крайне неясного и сложного вопроса о кормильце-мужчине Пространной Правды, мы, однако, считаем нужным подчеркнуть, что упоминание о нем в Пространной Правде не дает нам оснований считать, что и Краткая Правда знает кормильца-мужчину раба.

Наряду с термином «кормилец» в древнерусских источниках для обозначения воспитателя княжеских сыновей употреблялся также термин «дядька», «дядько» и производный от него — «дядьковичь» (т. е. «сын дядьки»). Поскольку происхождение института аталычества связывается с матриархальными порядками, при которых дядя с материнской стороны имеет особые права по отношению к детям своей сестры и выступает на заре аталычества как их непреременный аталык¹⁹, то для нас представляет особый интерес наличие в древнерусском языке термина «дядька» для обозначения кормильца-аталыка. Для исследователя кормильства в древней Руси было бы, конечно, чрезвычайно важно и заманчиво установить генетическую связь этого термина с термином «уй», обозначающим в древнерусском языке именно дядю со стороны матери. Хотя в наших источниках для феодальной поры мы знаем только один случай, когда воспитателем княжеского сына был его дядя по матери (уй), — мы имеем в виду Добрыню, который был кормильцем Владимира I Святославича, — нам кажется, что наличие в источниках феодального времени термина «дядьковичь», который безусловно связан с термином «дядя», ставшим в русском языке общим обозначением для дяди по материнской и отцовской линии, является важным указанием на связь корней древнерусского кормильства, как и аталычества, с авункулатом.

Наличие в древнерусской письменности вполне установившейся собственной терминологии для обозначения института кормильства, прежде всего в лице самого кормильца или дядьки и его сыновей (кормиличичей и дядьковичей), является важнейшим свидетельством того, что древняя Русь хорошо знала этот институт. Показательно также, что русские, столкнувшись в XVI в. с кавказским аталычеством, сразу же стали называть аталыка кормильцем, или дядькой, о чем свидетельствуют документы того времени²⁰.

¹⁶ П. Мрочек-Дроздовский утверждает: «Звание кормильцев переходило к их потомству, как отчество: кормиличичь, кормиличищ», ссылаясь при этом на Ипатьевскую летопись, где под 1202 г. упомянуты «кормиличичи» (мн. ч.), а под 1208, 1209—1211 гг. — «кормиличич» (П. Мрочек-Дроздовский, Исследования о Русской Правде, М., 1885, вып. II, стр. 185). Однако во всех этих случаях термин «кормиличич» употребляется не как отчество, а в своем прямом смысле, означая сыновей кормильца, а не его более отдаленное потомство. Превращение этого термина в отчество — дело более позднего времени.

¹⁷ «Журнал Мин-ва народного просвещения», 1912, ноябрь, стр. 154.

¹⁸ «Правда Русская», I. Тексты, Указ. изд., стр. 105.

¹⁹ См. М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 52—53.

²⁰ См. С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, вып. I, 1958—1613 гг., М., 1889; «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. I, XVI—XVII вв., М., 1957.

Как уже отмечалось выше, известия письменных источников о кормильстве в древней Руси носят весьма скудный и отрывочный характер. Важнейшим источником по этому вопросу остаются для нас летописи. Однако этот источник по самому характеру своему мало приспособлен для описания такого социального института, как кормильство-аталычество. Немудрено поэтому, что многие существенные черты этого института не нашли своего отражения в летописных заметках и могут быть выведены из них лишь косвенным путем. Летописи ограничиваются, как правило, беглыми и случайными упоминаниями о княжеских кормильцах и дядьках, в связи с теми или другими событиями политической истории древней Руси.

Так, в связи с сообщениями о смерти Игоря Повесть временных лет под 6453 (945) г. указывает, что с малолетним Святославом в Киеве находился его кормилец Асмуд²¹. В следующей хронологической последовательности летописное упоминание о кормильце-дядьке относится к 6526 (1018) г. Названный под этим годом в Повести временных лет кормилец Ярослава — Буды (Буд) упомянут тоже совершенно случайно, лишь в связи с тем, что он начал насмехаться над чрезмерно толстым Болеславом Польским, что послужило поводом к началу битвы между двумя враждебными армиями, стоявшими на берегах Буга²². Кормилец князя Владимира (Володимира) Андреевича по имени Поук (Паук) упомянут в летописи под 1171 г. только потому, что он был взят в плен великим князем Мстиславом Изяславичем и отослан во Владимир²³. Еще более случайно летописное упоминание о кормильце того же князя Владимира под 1151 г. В этом случае кормилец даже не назван по имени, а просто сказано, что Владимира во время сражения «не пусти (в бой.— В. Г.) кормилец его, зане молодъ бѣ въ то время»²⁴. Так же случайно упоминается в Ипатьевской летописи под 6710 (1202) г. дядька (кормилец) Мирослав в связи с рассказом о бегстве вдовы галицко-волинского князя Романа Мстиславича с малолетними сыновьями Даниилом и Василько из города Владимира-Волинского²⁵.

Если нам известны примеры, когда в летописи княжеский кормилец не назван даже по имени, то, с другой стороны, нам известны случаи, когда в летописном тексте опущено наименование того или другого лица кормильцем, или дядькой, хотя, судя по всему, он выступал именно в этой роли. Так, воспитатель князя Владимира I Святославича Добрыня нигде в летописном тексте не именуется кормильцем или дядькой своего племянника, хотя несомненно был таковым. То же можно сказать о боярине Борисе Захаровиче, появляющемся под 1178 и 1180 гг. в Ипатьевской летописи в качестве кормильца-дядьки князя Владимира Мстиславича и, однако, ни разу не обозначенном этим термином²⁶.

Наконец, мы имеем примеры, когда лицо, названное один раз кормильцем, в последующем изложении больше уже не обозначается этим термином. Так, Асмуд в Лаврентьевской летописи под 6468 (945) г. назван кормильцем, в следующей же записи, под 6469 (946) г., — просто по имени. Можно было бы привести еще ряд примеров того, что летописи не особенно распространяются о кормильцах, а в лучшем случае ограничиваются краткими упоминаниями о них, но и сказанного достаточно для подтверждения этого тезиса.

²¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926, стб. 55; ср. Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, вып. 1, изд. 3-е, Пг., 1923, стб. 45.

²² ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2-е, стб. 143; т. II, вып. 1, изд. 3-е, стб. 129.

²³ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, СПб., 1908, стб. 546; т. VII, СПб., 1856, стр. 187.

²⁴ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 431; ср. ПСРЛ, т. I [изд. 1-е], стр. 143 и т. VII, стр. 53.

²⁵ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 718, 719; ср. т. I, [изд. 1-е], стр. 156.

²⁶ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 609, 621—623.

Не всегда представляется возможным объяснить, чем вызвано это отсутствие в тексте летописи весьма употребительных на Руси терминов кормилец, дядька в применении к лицам, которые ими несомненно были. Отчасти это, конечно, объясняется испорченностью дошедшего до нас летописного текста, случайными пропусками и ошибками позднейших сводчиков и переписчиков летописей. Но вряд ли можно сомневаться в том, что в ряде случаев эти пропуски носили преднамеренный характер и были сделаны по серьезным политическим мотивам — умалить, снизить общественно-политическое значение института кормильцев, затушевать первенствующую роль кормильца при князе как его главного руководителя, наставника и советчика не только в молодости, но и в зрелом возрасте. Это особенно касается кормильцев IX—X вв., когда складывалось единое древнерусское государство со столицей в Киеве и когда, как об этом несомненно свидетельствует летопись, влияние кормильцев на великого князя или его сыновей было особенно значительно.

Тенденциозная обработка летописного текста с целью сократить в нем все то, что говорило о большом политическом весе кормильцев великих киевских князей — Игоря, Святослава, Владимира, вполне естественна, если принять во внимание, что важнейшей задачей автора Повести временных лет и других историков древней Руси, бравших на себя труд по своду и редактированию летописей, было возвеличивание княжеской династии Игоревичей («Рюриковичей»), возглавлявших тогда русское государство. Движимые высокими патриотическими чувствами, древнерусские историки-летописцы не только в угоду своим заказчикам-князьям, но и по собственному побуждению старались поднять авторитет великокняжеской власти и по возможности вытравить из летописи упоминания о кормильцах, которые в известной мере соперничали с великими князьями. Это особенно должно было иметь место в период, когда все более обострявшаяся феодальная раздробленность ставила под угрозу существование единого древнерусского государства. В это время было особенно важно умолчать о княжеских кормильцах, которые нередко соперничали с отцами своих воспитанников, а иногда оказывали давление и на самих воспитанников, ставших уже великими князьями. Упоминание о таких кормильцах, да и вообще о кормильцах, не вязалось с основной идеей летописных построений того времени, когда составители летописных сводов старались подчеркнуть роль князя как главного представителя государственного порядка и единства Русской земли. При таком аспекте факты, говорящие о видной, а подчас и руководящей роли кормильцев при первых князьях-«рюриковичах», устранялись, смягчались, и события политической истории, связанные с деятельностью кормильцев, рисовались в несколько ином виде, чем это было в действительности. Наиболее ярким и крупным по своему историческому значению примером подобной тенденциозной обработки первоначальных исторических сведений о кормильце-аталыке являются, с нашей точки зрения, летописные известия об Олеге, в котором мы склонны видеть кормильца князя Игоря.

Мы видим, что кормильцы или дядьки русских летописей в подавляющем числе случаев выступают в качестве воспитателей княжеских сыновей. Это и понятно, так как летописи главным образом повествуют о политической истории древней Руси, в которой князья и их воспитатели играли первенствующую роль. Однако из факта упоминания летописями почти исключительно о княжеских кормильцах было бы ошибочно делать заключение, что обычай кормильства-аталычества имел в то время распространение только в княжеской среде, не касаясь других слоев феодального класса. В нашем распоряжении имеется одно летописное известие, которое бесспорно свидетельствует, что дети бояр также воспитывались кормильцами высшего ранга — аталыками. Так, согласно Ипатьевской летописи, у видного галицкого боярина Судислава, совре-

менника и упорного противника князя Даниила Романовича, был кормильцем некий Нездила²⁷. Упоминание об этом факте носит опять-таки случайный характер, и если бы не вдова Нездилова, которая склонила своего зятя — воеводу города Ярославля боярина Давыда Вашатича сдать город венгерскому королю, на стороне которого был Судислав, — мы бы ничего не знали о существовании обычая кормильства-аталычества в боярских семьях. Нездила, являясь кормильцем крупного боярина, сам был видным представителем феодального класса. Об этом бесспорно говорит то положение, которое занимала его вдова, и то обстоятельство, что его зять был воеводой города и боярином.

Названный случай с Нездилой дает нам, следовательно, основание считать, что крупные бояре отдавали своих сыновей на воспитание своим вассалам, подобно тому как сами они брали на воспитание сыновей своих сюзеренов-князей. Такой же порядок существовал и на Кавказе, где, например, в Кабарде и Адыгее-Черкесии, первостепенные уорки (дворяне), являясь, как правило, аталыками княжеских детей, своих собственных детей отдавали на воспитание второстепенным уоркам, находившимся в вассальной зависимости от них.

Таким образом, мы можем утверждать, что обычай кормильства распространялся в древней Руси на весь господствующий класс феодалов. Именно в феодальной среде он приобрел те черты, которые позволяют его сближать с соответствующим порядком воспитания детей в Ирландии, Уэльсе, Исландии и других странах Европы, а также на Кавказе. Зато у нас нет никаких оснований говорить о существовании в древней Руси подобного же обычая за пределами феодального класса, как это склонен полагать Мрочек-Дроздовский. «Строй древнерусской семьи, — пишет этот автор, — был одинаков не только у князей, но и во всех классах общества, — разница была только в большей или меньшей зажиточности»²⁸.

Мы никак не можем согласиться с этим утверждением. В феодальной Руси IX—XIII вв., конечно, не мог быть один и тот же «строй семьи», точнее — одинаковый семейный быт, у двух разных антагонистических классов: господствующего класса феодалов и угнетенного, эксплуатируемого класса крестьянства. Кормильство, если и существовало за пределами господствующего класса, то, конечно, в иной форме, чем оно имело место у князей и бояр. В этой связи следует обратить внимание на одну из присоединенных к тексту Русской Правды дополнительных статей «Закона судного людям», в которой говорится о «вскормлении» малолетних детей, по-видимому, преимущественно грудного возраста, за определенную плату: «Аще дадять дѣтя въскормити до лжицы, а само вразоумѣть лжицоу взяти, прокорма 3 гривны»²⁹. Здесь, надо думать, идет речь о каком-то ином варианте древнерусского кормильства, чем тот, который представляется нам по летописям и другим источникам в княжеской и боярской среде.

В дальнейшем мы будем касаться главным образом примеров, взятых из княжеского быта, поскольку о нем мы имеем больше сведений в наших источниках. Но княжеский быт навряд ли принципиально отличался от боярского, и поскольку мы уже установили, что в боярской среде тоже существовал обычай кормильства-аталычества, наши дальнейшие наблюдения будут относиться к быту феодального класса древней Руси в целом.

До сих пор мы сближали кормильцев и дядек древней Руси с воспитателями-аталыками, исходя прежде всего из того, что они являлись

²⁷ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, [изд. 1-е], стр. 171; ср. т. II, изд. 2-е, стр. 764—765.

²⁸ П. Мрочек-Дроздовский, Указ. раб., вып. II, стр. 182.

²⁹ «Русская правда». Тексты на основании 7 списков и 5 редакций. Составил и подготовил к печати проф. С. Юшков, Киев, 1935, стр. 168.

воспитателями княжеских и боярских детей, подобно тому, как это имело место и в других странах, где отмечается этот обычай. Факт воспитания княжеских сыновей не родителями, а кормильцами или дядьками, устанавливается, как мы видели, летописными текстами вполне определенно. Но возникает вопрос, где проходило воспитание детей под руководством кормильцев: в родительской семье или в семье кормильца?

В существующей литературе о древнерусских кормильцах этот вопрос особо не ставился, хотя он имеет немаловажное значение для характеристики положения кормильцев и их воспитанников в древней Руси. Неопределенную и даже двусмысленную формулировку дает по этому поводу М. П. Погодин. В десятой главе VII тома своих «Исследований...», характеризуя частную жизнь князей, он заявляет: «Князья отдавались родителями на воспитание кормильцам или дядькам, т. е. к ним приставлялись с самых юных лет особые знатные мужи из бояр, которые за ними ходили»³⁰.

Таким образом, с одной стороны, Погодин говорит, что княжеские сыновья «отдавались» родителями на воспитание кормильцам, — это можно понять как воспитание в семье кормильца, — с другой же стороны, он отмечает, что кормильцы «приставлялись» к своим воспитанникам и ходили за ними, что можно понимать, как воспитание в родительской семье под присмотром кормильца. Более определенно высказывается по этому поводу Мрочек-Дроздовский, который пишет: «В княжеских семьях при малолетних детях (младенцах) были кормилицы, а при несовершеннолетних...состояли дядьки — кормильцы». Приведа далее в качестве примера семью князя Романа Мстиславича (Галицкого), где, по мнению Мрочек-Дроздовского, старший сын находился на попечении дядьки, а младший — кормилицы³¹, наш автор заключает: «Несомненно, то же было и в других княжеских семьях: везде были при малолетних детях кормилицы, а при несовершеннолетних — кормильцы или дядьки»³².

Следовательно, Мрочек-Дроздовский склонен, по-видимому, считать, что в древней Руси дело обстояло так же, как и позднее, в XVIII — первой половине XIX в., когда в феодальных семьях крепостные дядьки приставлялись к молодым барчукам и следили за ними в семье их родителей (вспомним Савельича из «Капитанской дочки А. С. Пушкина»). Мрочек-Дроздовский подробно не развил и не аргументировал свою точку зрения, так как для него, как и для большинства исследователей Русской Правды как бы само собой подразумевалось, что воспитание детей кормильцами, как и кормилицами, происходило в княжеской семье.

Наши источники не дают нам прямых указаний о том, где воспитывались княжеские и боярские дети, — в семье ли родителей или в семье кормильца. А это, конечно, является весьма существенным для характеристики интересующего нас института. Во всяком случае можно считать бесспорным, что в древней Руси наиболее архаические черты атаклычества, столь явственно выступающие на кавказском материале даже в XIX в. и заключающиеся в том, что родители не только отдавали своих детей в семьи кормильцев-атаклов, но и не имели права видеть их, — уже не существовали. Это говорит о том, что феодальные отношения в древней Руси пошли в своем развитии значительно дальше и потому значительно глубже изменили быт господствующего класса. Что родители — не только отец, но и мать — в древней Руси могли видеть своих детей, явствует из рассказов летописи об Ольге, которая после смерти Игоря принимала близкое участие в воспитании своего сына наряду с

³⁰ М. Погодин, Исследования, замечания и лекции о русской истории т. VII. М., 1856, стр. 448.

³¹ Ср. Ипатьевскую летопись, ПСРЛ, т. II, [изд. 1-е], стр. 156; т. II, изд. 2-е, стб. 718—719.

³² П. Мрочек-Дроздовский, Указ. раб., вып. II, стр. 182.

кормильцем. Это видно и из сообщения Галицкой (Ипатьевской) летописи о том, что мать Романовичей принимает совместно с кормильцем Мирославом меры к спасению своих детей.

Однако было бы неверно считать, что в феодальном быту России не сохранилось никаких признаков и отголосков глубоко архаического обычая избегания родителями их детей и отдачи их в чужую семью, что имеет определенное отношение, как это показало исследование М. О. Косвена, к институту атальчества³³. В нашем распоряжении имеются некоторые указания на то, что воспитание детей вне дома родителей имело место и на Руси. Прежде всего обратим внимание на то, что еще в XVII в. дети русских царей, как правило, жили в другом помещении, чем их родители. Как известно, в XVII в. царские дети в России тоже воспитывались под руководством кормилиц и дядек, функции которых были аналогичны их коллегам в древней Руси, хотя самый порядок воспитания во многом претерпел существенные изменения. По описанию Г. Котошихина, каждый царевич со дня своего рождения жил в своих особых хоромашах на попечении кормилиц, мам и дядек, кроме которых никто не мог их видеть. «И бывають царевичам и царевнам всякому своим хоромы и люди, кому их оберегати, особые. А до 15 лет и больша царевича, окроме тех людей, которые к нему уставлены, и окроме бояр и ближних людей, видети никто не может, таковыи бо есть. обычай...». Любопытно, что когда царевичам «во младых летех» приходилось ходить в церковь, то и «тогда около их по все стороны несут суконные полы, что люди зрети их не могут, так же как и в церкви стоят, люди видети их не могут же, кроме церковников, а бывають в церкви завешаны тафтою...». Полагать, что здесь дело было только в оберегании жизни царевичей от злодейских покушений не приходится, так как Котошихин специально оговаривает отсутствие в это время в церкви посторонних людей: «и в то время в церкви, кроме бояр и ближних людей, мало иные люди бывають». Лишь после 15 лет царевич мог с отцом появляться на людях: «а по 15 летех укажут его всем людям, как ходит со отцем своим в церковь и на потехи...»³⁴.

Сообщение Котошихина подтверждается документальными данными. Известный исследователь домашнего быта русских царей в XVI—XVII вв. И. Е. Забелин на основе архивного материала Оружейной палаты установил, что в XVII в. вскоре после рождения царского сына ему обычно строили отдельные покои. Так, в 1629 г., месяца через три после рождения царя Алексея Михайловича, ему были выстроены новые, отдельные хоромы; в 1635 г. были выстроены отдельные каменные здания для царевичей Алексея и Ивана. До тех пор, пока для царевича не было выстроено отдельное помещение, он находился в особом от родителей комнатах дворца. Тот же порядок соблюдался и при рождении царевен: им также строили отдельные домики-избушки.

Характерно, что отдельные дома для детей строили подальше от дворца, в глубине двора, среди других строений, которые скрывали детские избышки, делали их возможно менее заметными. По словам Забелина, дети здесь жили весьма уединенно, совершенно скрытые от людского глаза, не видя почти никого, кроме людей, к ним приставленных³⁵. Вряд ли можно сомневаться в глубокой архаичности происхождения всех этих обычаев, хотя в XVII в. они, конечно, мотивировались причинами совсем другого характера, чем те, которые их в свое время породили.

Перед нами, естественно, встает вопрос: соблюдался ли такой поряд-

³³ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 59—60.

³⁴ Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4-е, СПб., 1906, стр. 17.

³⁵ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., т. I, ч. II, М., 1915, стр. 47—48.

док воспитания детей в древней Руси IX—XIII вв.? К сожалению, наши источники не дают нам подробностей о быте княжеских детей в тот период. Косвенные же данные говорят о том, что в древней Руси княжеские дети часто не воспитывались в пределах родительского дома. В этом отношении особого внимания заслуживает тот факт, что малолетние князья со своими кормильцами, как правило, жили даже в другом городе, чем их родители. Особенно это имело место в ранний период истории древнерусского государства. Так, по сообщению Константина Багрянородного, Святослав при жизни Игоря жил в Новгороде. По Ипатьевской летописи, Святослав родился в 645 (942) г., следовательно, он чуть ли не со дня рождения находился в Новгороде, так как в год смерти Игоря (645/945 г.) ему было всего около трех лет. Если даже поставить под сомнение летописную хронологию, которая для этого времени весьма условна, то и тогда из самого летописного текста видно, что Святослав в момент смерти отца был еще ребенком — «дѣтском», как выражается о нем летописец³⁶.

Дети Святослава Олег и Владимир также в раннем возрасте покидают Киев и, следовательно, живут вне родительского дома. То же повторяется с детьми Владимира Святославича и последующими поколениями князей — Игоревичей. Для более позднего периода, когда в летописи даются уже точные даты, мы имеем возможность определить возраст князей, живущих отдельно от своих родителей, с гораздо большей точностью. Так, в 1199 г. князь Святослав Всеволодович четырех лет оставляет город Владимир, где живут его родители, и отправляется в Новгород, где находится до тринадцатилетнего возраста (с небольшим перерывом около года)³⁷. В 1221 г. князь Всеволод Георгиевич (сын великого князя Георгия Всеволодовича) в возрасте девяти лет посылается отцом в Новгород на княжение и, следовательно, на жительство вдали от родительского дома³⁸. В 1201 г. князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) в возрасте десяти лет отвозится на княжение в Переяславль южный, тогда как отец его, великий князь Всеволод Георгиевич, живет постоянно на севере — во Владимиро-Суздальской Руси³⁹.

Раз в древней Руси до XIII века малолетние князья, как правило, жили не в тех городах, где находились их родители, то само собой напрашивается вывод, что они жили в семье своих кормильцев. Но возникает вопрос: является ли в этот период проживание княжеских детей вне родительского дома пережитком древних обычаев, связанных с происхождением института атаклычества, или это, наоборот, явление, целиком вызванное уже новыми феодальными порядками, интересами великокняжеской династии, стремившейся таким образом прочнее объединить под своей властью отдельные области древней Руси? Ответить на этот вопрос мы пока не можем. Как бы то ни было, однако, самый факт проживания княжеских сыновей вне отцовской семьи, в семье кормильца, не вызывает у нас сомнения для периода IX—XIII вв. как факт, преобладавший в княжеском быту. И из этого проистекает многое. Только живя вдали от родительской семьи и отца, княжич мог видеть в своем кормильце не только воспитателя, но и второго отца, нередко более близкого, чем родной. Результатом же совместной семейной жизни и воспитания являлась и та особая близость, которая устанавливалась между князем и его «кормилчицами» или «дядьковичами».

Есть основания полагать, что и боярские дети воспитывались за пределами родной семьи. И здесь мы опять должны подчеркнуть, что, толь-

³⁶ См. Лаврентьевскую летопись под 6453 г., ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2-е, стб. 55. Ср. Ипатьевскую летопись под 6453 г., где подчеркивается, что Святослав был в это время «велим дѣтеск» (ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 46).

³⁷ ПСРЛ, т. I, [изд. 1-е], стр. 173—174; т. III, стр. 25; т. IV, стр. 18.

³⁸ Там же, т. I, [изд. 1-е], стр. 185, 188—189; ср. т. VII, стр. 118, 128.

³⁹ Там же, т. I, стр. 172, 175; т. VII, стр. 101, 107.

ко живя в семье кормильца, воспитанник мог считать его женою своею матерью, как это, например, имело место в отношении боярина Судислава, называвшего, по свидетельству летописца, вдову своего кормильца матерью: «матерью бо си нарѣчашеть ю»⁴⁰.

Выше нам уже приходилось отмечать, что в древней Руси между кормильцем и его воспитанником устанавливались отношения, аналогичные отношениям между отцом и сыном. В этом, собственно говоря, мы видим главнейший пережиток родовых отношений, отраженных в институте кормильства, существовавшем в древней Руси уже в условиях господства феодализма.

Представление о кормильце как об отце его воспитанника — князя нашло отражение на страницах летописей, в которых кормильцев иногда называют даже отцами своих воспитанников. Так, Ипатьевская летопись сообщает, что Даниил Романович, князь Галицко-Волынский, отправляясь в поход на ятвигов в 1256 г., послал за своим сыном Романом в Новгородок (Новогрудок), и он явился к Даниилу Романовичу «со всеми Новгородци и со тцемъ своим Глѣбом»⁴¹.

Глеб, названный здесь «отцом» князя Романа Даниловича при наличии родного отца — князя Даниила Романовича, который призывал его из Новогрудка в поход, несомненно, является кормильцем сына Даниила — Романа. Для нас это летописное известие представляет особый интерес, так как оно свидетельствует о том, что в древнерусском обществе на кормильца смотрели как на второго отца. В этой связи следует обратить внимание на то, что название «аталык» на Кавказе происходит от тюркского слова «ата» (отец).

Наши источники свидетельствуют, что князья обычно всю жизнь почитали своего кормильца как родного отца. Об этом очень ярко говорит нижеследующий отрывок из Печерского Патерика («Слово о создании Печерской церкви»): «И бысть послан от Владимира Мономаха в Суздальскую землю сии Георгии (речь идет о близком к Владимиру Мономаху дружиннике Георгии Симоновиче. — В. Г.). Дать же ему на роуцѣ сына своего Георгия (Юрия Долгорукого. — В. Г.). По лѣтѣх же мнозѣхъ съде Владимировичъ (т. е. Юрий Долгорукий. — В. Г.) в Киевѣ; тысящому же своему Георгиеви яко отцу (разрядка моя. — В. Г.), предать область Суздальскую»⁴². Как известно, Юрий Долгорукий окончательно овладел Киевом в 1155 г. Родился он около 1090 г. Следовательно, Юрию Долгорукому было уже почти 65 лет, когда он все еще относился к своему кормильцу, как к отцу. Характерно, что кормилец Юрия Георгий занимал такую важную должность, как тысяцкий, а когда Юрий Долгорукий окончательно покидает Суздальскую землю, переезжая в захваченный им Киев, за который он много лет упорно боролся, то всю Суздальскую область, т. е. свое основное владение, он передал в управление своему кормильцу. Этот пример показывает, что кормильцы еще в XII в. играли очень важную политическую роль даже при таких предприимчивых и самостоятельных князьях, каким был Юрий Долгорукий.

Вслед за кормильцем и его женой самыми близкими членами семьи кормильца к воспитаннику являлись, как мы знаем, кормиличичи. В источниках они выступают всегда как лица весьма близкие к князю, преданные ему и пользующиеся его особым доверием. Они нередко выполняют ответственные и интимные поручения⁴³. Кормиличичи играют иног-

⁴⁰ Ипатьевская летопись под 6739 (1231) г., ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 765.

⁴¹ Ипатьевская летопись под 6763 (1265) г., ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 831.

⁴² «Памятники русской литературы XII—XIII вв., изданные Владимиром Яковлевичем», СПб., 1872, стр. CXIV.

⁴³ Ср. Ипатьевскую летопись под 6797 (1289) годом: «Се же оуслышав Лев князь, посла Семена своего дядьковича ко сынови своему» и т. д. (ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 930—931).

да и самостоятельную политическую роль. Так, в Ипатьевской летописи упоминаются под 1202 и 1208 (6710 и 6717) гг. два кормиличича — родные братья (по предположению М. С. Грушевского, сыновья кормильца галицкого князя Владимира Ярославича), которые выступали сначала против захватившего Галич князя Романа Мстиславича Волынского и были им изгнаны из Галича. После смерти князя Романа кормиличичи возвратились в Галич и явились инициаторами изгнания малолетних сыновей Романа. Позднее один из кормиличичей, Володислав, даже «вокняжился» в Галиче⁴⁴. Это единственный случай в истории древней Руси, когда боярин, хотя и ненадолго, занял княжеский стол. Конечно, такое исключительное значение кормиличичи могли приобрести только в Галицкой земле, где княжеская власть одно время ослабела, а бояре были решающей политической силой. Но все же общественно-политическое значение кормиличичей было немалым и в других русских областях.

В то время как между воспитанником и семьей кормильца в древней Руси устанавливались отношения близкого, хотя и совершенно искусственного родства, отношения между воспитанником и родительской семьей были нередко враждебны. Изучая по летописям взаимоотношения членов княжеской семьи, мы видим, что братья часто воюют друг с другом, нередко убивают друг друга, иногда восстают даже против родного отца. Наиболее часты столкновения между членами княжеской семьи в X в., когда особое значение имел институт кормильства. Так, Ярополк Святославич идет войной на своего брата Олега, а Владимир Святославич в свою очередь — на Ярополка. Самому Владимиру пришлось позднее столкнуться со своими сыновьями — Святополком и Ярославом. Святополк перед смертью отца находился, по свидетельству летописи, в опале и был лишен своего княжения, а Ярослав, сидевший в Новгороде, готовился к войне с отцом. После смерти Владимира Святополк, как известно, убивает своих трех братьев и сам погибает в борьбе с четвертым братом Ярославом; Ярослав много лет воюет со своим братом Мстиславом и т. д. Конечно, эти княжеские междоусобицы объясняются прежде всего общими социально-экономическими причинами, характерными для раннего феодализма экономической разобщенностью и политической раздробленностью русских земель, что создавало благоприятную почву для этих междоусобиц.

Но следует иметь в виду, что определенную роль в этих междоусобицах сыграл и институт кормильства. Ведь братья-князья, как правило, воспитываются разными кормильцами, т. е. в различных семьях и городах, и потому плохо знают или совсем не знают друг друга. Отцы также мало знают своих сыновей, живущих вдалеке от них, а сыновья плохо знают своих родителей, которых им заменяют кормилец и его жена. Никаких реальных семейных связей, никаких воспоминаний о совместной жизни между этими кровными родственниками не существует. И неудивительно, что при таких условиях появляются Святополки «окаянные», которые, не колеблясь, поднимают свою руку на родных братьев.

При существовании института кормильства реальное кровное родство в княжеских семьях нередко отступало на второй план перед искусственным родством, основанным на этом обычае. Мы знаем примеры, когда брат убивает родного брата, мстя за смерть своего кормиличича, или брат выступает против своего брата, действуя по наущению своего кормильца. Как свидетельствует Повесть временных лет, в междоусобицах сыновей Святослава немалую роль сыграл Свенельд, который, по всем данным, был виновником смерти Игоря, а затем, по-видимому, стал кормильцем самого Святослава, а потом его сына Ярополка, пошедшего

⁴⁴ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стб. 719, 724, 729.

войной на своего брата Олега и по мотивам мести за сына Свенельда — Люта, убитого Олегом⁴⁵.

Таким образом, институт кормильства играл в известной мере отрицательную роль в жизни древней Руси, хотя, с другой стороны, он имел определенное положительное значение для формирования феодальных отношений, установления более прочных связей между сюзереном и вассалом, укрепления древнерусского государства.

Можно считать, что кормильство в древней Руси явилось одной из форм развития вассалитета, дополняя вассальную связь искусственным родством. А поскольку в начале развития феодальных отношений связи между сюзереном и вассалом на Руси были недостаточно сильны, такое подкрепление их обычаем кормильства представляло определенную ценность как для сюзерена, так и для вассала.

Отдача князьями своих сыновей на воспитание обязательно боярам-вассалам приводила к установлению более прочной связи между этими двумя группами господствующего класса. Все кормильцы древнерусских князей, о которых мы знаем, принадлежали к верхам бояр и играли первенствующую роль в княжеской дружине. Превращение этих лиц в кормильцев княжеских сыновей еще более упрочивало и возвышало их положение. Как свидетельствуют источники, княжеские кормильцы занимали высшие должности в государстве; они были посадниками, воеводами, тысяцкими, приобретая вместе с должностью новые источники дохода.

Боярин-кормилец для князя был более верным вассалом, чем кто-либо иной. Правда, этот вассал иногда конкурировал с отцом своего воспитанника, но последнему он обычно служил верой и правдой. С течением времени, когда княжеская власть на Руси окрепла и создалась традиция безусловной верности вассала сюзерену, опасность столкновения между князем и кормильцем его сыновей значительно уменьшилась. Но и в начальный период истории древнерусского государства, когда могущественные княжеские кормильцы, вроде Свенельда, соперничали с князьями, эта опасность не перевешивала положительных для княжеской власти сторон института кормильства.

Древнерусские князья сумели в конце концов ограничить власть и значение кормильцев, не дав им возможности занять место рядом с князьями или даже вместо них возглавить древнерусскую государственность, подобно тому, как это сделали, например, Пясты в Польше⁴⁶.

Для династии Игоревичей («Рюриковичей»), положивших начало единому древнерусскому государству, было очень важно иметь в своем распоряжении верных вассалов в лице кормильцев. Это дало возможность этой династии объединить под своей властью отдельные русские области путем рассаживания своих малолетних сыновей с их кормильцами по важнейшим древнерусским городам — центрам областей в качестве наместников — посадников великого князя киевского.

Большая часть историков толковала обычай рассаживания княжеских детей по волостям и городам как разделение древнерусского государства между княжескими сыновьями. Такое толкование этого обычая для начального периода истории древнерусского государства, когда оно еще складывалось, неверно. В то время это было еще не разделение государства между отпрысками княжеской фамилии, а, наоборот, объединение его в одних руках — великого князя Киевского. Можно с полной

⁴⁵ См. Повесть временных лет под 6480—6485 (972—977) гг., ПСРЛ, т. I, вып. I, изд. 2-е, стб. 74; т. II, изд. 2-е, стб. 61—62. Запутанная история с Свенельдом нуждается еще в дополнительных изысканиях (ср.: А. А. Шахматов, Указ. раб., стр. 340—378; А. Е. Пресняков, Княжое право, СПб., 1909, стр. 235—236).

⁴⁶ К вопросу об общественно-политической роли кормильцев в древней Руси и в других странах, где имел место институт, аналогичный кормильству-аталычеству, мы рассчитываем вернуться в другой своей работе.

уверенностью полагать, что, рассаживая своих сыновей, первые великие князья киевские — Игорь, Святослав и Владимир — тем самым хотели прочнее скрепить отдельные области древней Руси в единое государство.

До сих пор еще не обращалось должного внимания на те пункты, куда направлялись малолетние княжеские сыновья с кормильцами, недостаточно истолковывалось значение этого обычая. Между тем совершенно очевидны те мотивы, которыми руководствовались князья, рассаживая своих сыновей в начальный период древнерусского государства. Игорь сажает своего сына в Новгороде, потому что Новгород еще только недавно подчинился власти киевского князя. Поэтому естественно, что единственный сын великого князя киевского отправляется им именно в Новгород. Для Святослава Новгород уже не играет прежней роли. Поэтому, отправляясь вторично в дунайскую Болгарию, Святослав оставляет Ярополка как старшего из своих сыновей в Киеве, Олега — в Дrevлянской земле, которая еще совсем недавно восставала против власти великого князя киевского и где погиб отец Святослава — Игорь. В Новгород же Святослав лишь после просьбы новгородцев посылает своего третьего, не вполне законного и полноправного сына Владимира. Характерно, что Святослав, который сам в детские годы, при жизни своего отца Игоря, сидел в Новгороде, высказывает новгородцам сомнение, что к ним кто-либо пойдет княжить: «А бы пошел кто к вам», говорит он. «И отпрѣя Ярополк и Олег, — сообщает летопись, — и рече Добрыня: «Просите Володимера»». Как видим, Добрыня, кормилец Владимира Святославича, правильнее Святослава оценил значение Новгорода; и мы знаем, что позднее Владимир, опираясь именно на новгородцев, захватил великое княжение в Киеве. Анализ летописных известий о том, как Владимир Святославич рассаживал и пересаживал своих многочисленных сыновей, также приводит нас к убеждению, что этот великий князь киевский садил своих сыновей с кормильцами в самых важных областях древнерусского государства.

Неправ был поэтому Пресняков, когда в «Княжом праве» утверждал, что рассаживание сыновей Святослава по волостям дает нам «первый пример раздела княжеских владений между сыновьями киевского князя»⁴⁷. Правда, буквально вслед за этим, отделив предшествующую фразу только точкой, Пресняков спешит поправить себя и пишет: «Это, точнее, не выдел сыновьям части владений, но лишь сосредоточение володения областями — в руках княжой семьи: отец «сажает» сыновей посадниками своими в Киеве и в Деревех»⁴⁸.

Итак, что же это: «раздел» волостей или «сосредоточение» их? В конце концов Пресняков склоняется к правильной точке зрения. Говоря о рассаживании по областям сыновей Владимира Святославича, Пресняков объясняет это «необходимостью укрепить внутреннюю силу нового господства над восточным славянством» и замечает: «Династическая политика Владимира вполне удалась в том смысле, что с тех пор его род монополизировал в своих руках княжое владение на Руси»⁴⁹. Во второй редакции своего курса истории Киевской Руси (1915/16 г.) Пресняков более четко ставит этот вопрос, указывая, что рассаживание сыновей по городам — центрам важнейших областей диктовалось необходимостью «сосредоточить более непосредственную и действительную власть» над ними⁵⁰.

Конечно, Пресняков, высказывая все эти замечания, далек от правильного понимания процесса складывания древнерусского государства; он не видит подлинной социально-экономической основы этого процесса,

⁴⁷ А. Е. Пресняков, Указ. раб., стр. 27—28.

⁴⁸ Там же, стр. 28.

⁴⁹ Там же, стр. 29, 30.

⁵⁰ А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. I — Киевская Русь, М., 1938, стр. 93.

его классовой сущности, и, являясь сторонником «норманской теории», представляет себе процесс образования государства как нечто чуждое внутреннему органическому развитию восточных славян.

Мы понимаем, что кормильство в начальный период образования русского государства могло играть положительную роль лишь постольку, поскольку оно соответствовало объективно протекавшему историческому процессу формирования классового общества и государства у восточных славян.

Итак, древнерусское кормильство сыграло важную общественно-политическую роль, особенно в период складывания древнерусского государства. Будучи пережитком родового строя, оно вместе с тем явилось формой развития созеренно-вассальных отношений, скреплявшихся отношениями искусственного родства. С другой стороны, этот институт в известной мере мешал укреплению в IX—X вв. великокняжеской власти, которая, в конечном счете, сумела ограничить значение кормильцев и использовать их в своих интересах. И в этом, с нашей точки зрения, проявились не столько личные способности руководителей древнерусской государственности, сколько относительная зрелость тех новых феодальных отношений, на которые опирались великие князья в борьбе с отживающими порядками родового строя.

В том, что уходящий своими корнями в родовой строй институт кормильства оказался в древней Руси IX—XIII вв. целиком преобразованным по своей социальной сущности на феодальный лад и лишенным многих присущих ему архаических бытовых черт, мы видим еще одно свидетельство того высокого уровня социально-экономического и культурного развития, которого достигло древнерусское феодальное общество в то время.

SUMMARY

While proceeding from the view, current in Soviet historiography, of 9th-13th century Russia being a feudal land, one should also bear in mind that the transition from the tribal system and way of life to those of feudalism occurred in Russia, as in other countries, gradually, by means of several successive stages. The institutions of the tribal system were gradually transformed in feudal Russia and adapted by the ruling class to serve its own interests, for all that they would often appear in a patriarchal guise and bear the old tribal names. Among such institutions the present author has singled out a custom which existed in Russia in the 9th-13th centuries and which he has tentatively termed «*kormilstvo*» (fosterage).

This term is used to denote an old-Russian custom according to which children of feudal noblemen — primarily princes sons — were entrusted to the care of certain persons, whom the chronicles and other old-Russian documents call «*kormiltsy*» (foster-fathers) or «*male nurses*» (not to be confused with the «*kormiltsy*» mentioned in «*Russian Right*»). The «*kormiltsy*» generally were the vassals of the child's father, who, through their tutelage, came to have a strong influence on the young prince and assumed, together with their household, the part of the closest kinsmen of their charge, with the foster-father acting as father, and his sons as brothers, to the latter.

This «*fosterage*» has many features in common with a similar practice current in the Caucasus (where it is called «*atalychestvo*»), which has ethnographical analogies among several ancient Western European peoples (the Celts of Ireland and Wales, Scotland's Goidels, the Gauls).

«*Fosterage*» had played an important social and political role, particularly at the time of the emergence of the Old-Russian state. It was one form of the development of suzerain-vassal relations which it cemented by means of artificially imposed kinship. On the other hand, this institution to a certain degree hindered the consolidation in the 9th-10th centuries of the power of the Grand Dukes, who ultimately succeeded in restricting the power of the «*foster-fathers*», making the latter serve their own ends.